

18+

ВИТАЛИЙ ТАРХАНОВ

МАРФИНСКИЙ ПРОЦЕСС

ИСТИНА ОСТАНЕТСЯ В ПОДОЗРЕНИИ

Виталий Тарханов
Марфинский процесс

«Издательские решения»

Тарханов В.

Марфинский процесс / В. Тарханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982256-7

В селе Марфино при таинственных обстоятельствах совершено убийство. Молодой амбициозный прокурор Максим Архангельский погружается в загадочные события уголовного дела. Обвиняемая — пенсионерка-затворница в инвалидном кресле, прославившая тёмной ведуньей. В судебном процессе раскрываются необъяснимые подробности преступления, которые, балансируя на грани реальности и сна, обретают поистине мистический характер. Удастся ли Архангельскому отыскать правду? Свершится ли правосудие (и какой ценой)? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982256-7

© Тарханов В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	15
IV	18
V	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марфинский процесс

Виталий Тарханов

Редактор Мария Александровна Гришина

Корректор Марина Николаевна Любич

Корректор Мария Петровна Протасова

Корректор Николай Фёдорович Пауль

Фотограф Владислав Дмитриевич Акимов

© Виталий Тарханов, 2025

© Владислав Дмитриевич Акимов, фотографии, 2025

ISBN 978-5-4498-2256-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Сергей Иванович Вяземский нащупал в темноте тяжелую дверную ручку, опустил ее и аккуратно толкнул деревянную калитку. К его удивлению, дверь не была заперта. Он с облегчением выдохнул и вошел. Двор не был освещен, в окнах дома тоже было темно. Летнюю тишину села нарушали лишь сверчки и отдаленный редкий лай собаки с соседней улицы на берегу реки.

Несмотря на жаркий климат здешних мест, летняя ночь была холодной. И невероятно темной. Эту особенность Сергей Иванович отметил еще четыре дня назад, когда впервые приехал сюда, в Марфино, и вышел покурить перед сном: ни луны, ни звезд на небе не было, и в тех местах, где улицы не освещались фонарями, на расстоянии вытянутой руки густилась крошечная тьма. Ни в одной точке географии ему еще не приходилось наблюдать подобное явление.

Решив достать мобильный телефон, Сергей Иванович засунул руку в карман, но вынул из него маленькую ветку травы. Выкинув ее, из другого кармана он извлек телефон и убавил яркость дисплея. Затем опустил экран ближе к земле, пытаясь разглядеть предстоящий путь. От калитки вглубь двора вела узкая тропинка, краями поросшая зарослями полыни и чертополоха. Осторожно ступая вперед, короткими шагами он двинулся в сторону дома.

Жители села настоятельно рекомендовали ему, как гостю, не выходить из дома по ночам и уж тем более, ни под каким предлогом, не приближаться в темное время суток к этому месту. Сергей Иванович всегда скептически относился к подобным предостережениям и никак не мог последовать такому совету, поскольку целью его приезда в эту деревенскую глубинку были именно такие места.

Накануне днем проходя по улице, он постарался детальнее изучить обстановку домовладения, насколько это позволяли щели в старом заборе. Теперь же, в сумерках ночи, все ощущалось иначе. Осознание незаконности своего нахождения на частной территории повышало напряжение, а тот факт, что дальше полутора метров, в темноте, могло быть что угодно, будоражил сознание до холодных мурашек.

Когда в поле зрения появилось очертание дома, Сергей Иванович вздрогнул от резко пронесшегося где-то наверху протяжного крика птицы.

«Долбаный филин!» – подумал он и сразу же вспомнил поверье местных жителей о том, что ночами кричащие совы скликают души умерших. Переведя дыхание он взял себя в руки и решил направиться дальше.

Будучи журналистом, Вяземский приехал в село Марфино Астраханской области делать репортаж о происходящей в округе мистике. По определенным, но необъяснимым причинам село считали средоточием колдунов, ведьм и прочей нечисти. Знакомые рассказывали многочисленные истории о происходящих здесь странных событиях, связанных с исчезновениями и гибелью людей.

Кульминация скопившегося интереса к Астраханскому селу у журналиста произошла после того, как в сети он наткнулся на статью об участниках известного телевизионного шоу, которые приезжали сюда расследовать причины загадочных смертей. Медиумы отметили, что это место проклято, люди здесь гибнут очень часто.

Верить экстрасенсам Вяземский категорически отказывался, но не мог скрыть, что любопытство в нем раскалилось до предела, в результате чего согласовал с руководством служебную командировку.

Сергей Иванович остановился, обернулся назад и поднял вперед телефон с тусклым дисплеем, чтобы проверить, не увидел ли кто, как он вошел во двор и не зашел ли следом, но калитка с забором слились в беспросветной мгле. С детства он не боялся темноты, но в этот раз что-то заставляло его испытывать непривычный мандраж по телу. Поняв, что держать ситу-

ацию под контролем бесполезно, он начал поворачиваться обратно, и в этот момент перед его лицом возник вытянувшийся вверх силуэт человека с омерзительно страшной головой. Вяземский от испуга дернулся назад и, споткнувшись, упал на землю. Крепко сжимая в руке телефон, он вытянул его вперед, освещая перед собой преграду. Человек по-прежнему стоял там, но не шевелился. Присмотревшись внимательнее, журналист разглядел в нем пугало, стоявшее на деревянной ноге у тропинки.

Выругавшись, Сергей Иванович поднялся на ноги, отряхнулся и поднес экран мобильного к пугалу. Голова у него была из старого мешка, с которого грозно глядели неровные прорезы глаз, а ниже растягивалась дугой вышитая проволокой линия рта. Вяземский резко показал ему средний палец и, не получив ответа, пошел дальше.

По собранной им информации здесь жила ведунья, Агата Никаноровна Хилер, с которой он и познакомился в первые дни своего приезда. На его расспросы сельчане отзывались о ней, как о самой неприятной жительнице округа, рассказывали леденящие кровь истории.

Пожалуй, самой необычной особенностью, о которой все говорили, было то, что здешние ведьмы «водят». Под этим местные понимали ведовскую способность заводить людей в воду ночью, после чего человек либо тонул, либо вовсе исчезал без вести. Некоторые из этих историй касались и Хилер.

Сергею Ивановичу было известно, что в Московском государстве XVI века ведьмы, несмотря на низкий общественный статус, находились под защитой закона, и согласно положениям Судебника 1589 года за их оскорбление полагалась выплата пени – так называемое «бесчестье»; ведовство само по себе преступлением не являлось. В отличие от славян западное отношение к ведьмам было существенно строже – их массово преследовали и сжигали. Основанием для преследования там было подозрение в апостасии – отношениях с нечистой силой, отступничестве от Бога.

В то же время у славян все процессы против ведьм строились на конкретных жалобах о причинении ими какого-то вреда и начинались только с иска частного лица, что было вызвано отсутствием на Руси тех демонологических представлений, которые вызвали на западе жестокое преследование магов.

Сейчас Вяземскому не на шутку казалось, что славянская школа явно недооценивала значение наших волшебниц в мировой культуре фантастики и незаслуженно ограничилась их упоминанием в фольклоре в виде Бабы Яги и произведениях Гоголя.

Хилер отказалась вести с заезжим гостем конструктивный диалог при первой встрече и, уж тем более, продемонстрировать ему свою «избушку». Снять завесу тайны с главной героини сюжета, таким образом, не удалось, и Сергей Иванович решил применить негласные методы журналистского расследования, тайно пробравшись в мистические апартаменты ночью.

Среди рассказов об Агате Никаноровне значительную часть занимали повествования о непонятной активности, происходившей ночами в ее доме. Одни говорили, что, проходя после полуночи мимо по улице, слышали залиvistый смех, раздававшийся из дома ведуньи со странными громкими хлопками. Другие рассказывали, как испуганно ускоряли шаг, когда до них доносились громяющие в доме звуки, похожие на топот празднующего застолья и сопровождаемые визгом свиней.

Ничего похожего на описанные события Вяземский сейчас не слышал. Напротив, кровь в жилах стыла от давящей тишины.

Тем временем он подошел к крыльцу. Деревянная ступень под ногой предательски скрипнула, и Сергей Иванович, замерев на месте, зажмурился, ругая себя за детскую неосторожность. Убедившись, что вселенная никак не отреагировала на сработавший капкан, он посветил телефоном на дверь, а также взглянул в расположенные по ее краям безжизненные окна. Тьма.

Потянув за ручку, он обнаружил, что и эта дверь не заперта. Осторожно открыв ее, Вяземский услышал чей-то голос в глубине внутреннего пространства дома. До этого, в ходе корот-

кой встречи с хозяйкой дома, они перекинулись парой слов, и этого хватило, чтобы запомнить ее весьма неприятный голос, однако в настоящий момент было трудно разобрать, кто и что говорил. Говор был негромким и монотонным. Журналист вошел в коридор и прикрыл за собой дверь. Внутри было еще холоднее, чем на улице. Он невольно поёжился, пожалев, что не надел что-то с длинным рукавом.

Где-то в другом конце помещения едва различимо мерцал тусклый свет, будто за стеной коридора в комнате горела свеча. Медленно ступая к свету и выставляя перед собой руку с телефоном, Сергей Иванович увидел, что погас дисплей. Он остановился посреди коридора и с негодованием заключил, что смартфон не работает. Судорожные нажатия на кнопку включения не привели к успеху и вынудили его в очередной раз мысленно чертыхнуться. Понимание того, что теперь освещать дальнейший путь будет нечем, усугубилось вдруг нахлынувшей мыслью о невозможности вызвать полицию в случае чего. Тут же его осенило, что в селе ночью из состава правоохранителей можно рассчитывать только на участкового, но в тот же момент он подумал, что в ближайшее время скорее проснется Вий, чем участковый. Журналист глубоко вдохнул и успокоил себя напоминанием – Агата Никаноровна в свои семьдесят с лишним лет ввиду больных суставов по дому передвигается с большим трудом и почти всегда в инвалидном кресле. Ухаживающая за ней внучка в доме бывает только до вечера и сейчас должна быть уже у себя дома. Никто никому не причинит никакого вреда, он только лишь одним глазком подсмотрит, чем это там госпожа Хилер занимается в столь поздний час.

Подойдя ближе, Вяземский рассмотрел очертание стены, за которой, похоже, горела свеча. Это был угол с поворотом продолжающегося коридора. Деревянный пол под ногами изо всех сил старался аккомпанировать скрипом каждому шагу, и журналист ступал с предельной аккуратностью. По тому, как становящийся все более отчетливым говор не менял темпа, он понимал, что остается незамеченным.

Теперь совершенно точно можно было сказать, что голос принадлежал хозяйке дома. Она говорила тихо и очень быстро, в одной тональности. Однако конкретных слов разобрать было по-прежнему невозможно. Одновременно с этим оттуда раздавались странные звуки, не поддающиеся описанию. Что-то отдаленно напоминающее хруст ломающихся костей вперемешку с шелестом листьев.

За последние несколько дней Сергей Иванович пришел к убеждению, что Марфинские легенды полны таинственности и романтики. Во многих населенных пунктах имеются «нехорошие» дома. Жители села нарекли мистической славой и дом Агаты Никаноровны. Вяземский с каждой минутой все сильнее ощущал, что приближается к разгадке тайны, но в эти мгновения от подобной романтики волосы дыбом поднимались на теле. Непреодолимое любопытство тем не менее одерживало верх над нараставшим страхом, и вот теперь уже, подходя к краю стены, он видел главной своей целью – узреть, что же там происходит за углом.

Журналист всем телом прижался к стене, и в этот момент голос за углом неожиданно умолк. Сергей Иванович услышал стук своего пульса. Он был таким громким, что, казалось, мог выдать его. С той стороны, откуда мгновение назад раздавался голос, послышался слабый скрип, который стремительно приближался и походил на звук крутящихся колес. В то же время коридор сильнее озарился светом той же мерцающей свечи, но как будто начавшей гореть намного ярче.

Вяземский схватился рукой за сердце, словно боясь, что оно вот-вот выскочит.левой рукой он осторожно провел по лбу – на нем выступила испарина.

Он повернул голову в сторону приближающегося скрипа и задержал дыхание. Из-за угла стены, у края которой он стоял, по полу выкатилось, скрипя колесами, инвалидное кресло и остановилось рядом с ним. В кресле никого не было.

II

Село Марфино расположено в Володарском районе шестьдесятю километрами юго-восточнее Астрахани. На территории административного центра – поселка Володарского – размещен районный суд.

Климат региона даже в ноябре позволяет осени быть теплой и солнечной. В Володарском без лишней суеты начинался очередной день.

Работа районного суда началась с утра вялотекуще: охранник в своей коморке сладко зевал, поглаживая увесистое пузо, водитель нехотя заплыл в фойе, волоча почту. Помощник судьи Флюра Ашимовна поправила сползающие с носа очки, постучала пальцем об аквариум, по стенке которого медленно ползла улитка. Быстрее нее в доме правосудия в этот час по коридору передвигалась только секретарь судьи Айгуль – чтобы набрать воды в чайник.

На пороге открытой двери показался высокий молодой человек с кожаным портфелем, в хорошо скроенном костюме, насколько могли судить Флюра Ашимовна и Айгуль. Его белая рубашка ослепила глаза зачарованных женщин, а стильно растрепанная светлая шевелюра на голове говорила о педантичном соответствии модным молодежным тенденциям. Он буквально блестел на фоне покосившегося шкафа с ветхими папками документов и потрескавшейся стены.

«Прямо жених» – подумала Флюра Ашимовна в ответ на его улыбку, замерев в оцепенении, а в сухом кабинетном воздухе зазвенела тишина восхищения. Казалось, даже стоящая на столе медная Фемиды опустила весы и приподняла повязку, чтобы выяснить причину воцарившегося молчания.

– Добрый день! Архангельский Максим Андреевич. Я из областной прокуратуры, обвинитель по делу Хилер. Мне бы с судьей поговорить.

Пока Айгуль с усилием, достойным лучшего применения, пыталась вспомнить звуки русской речи, Флюра Ашимовна поправила очки и рукой медленно указала на дверь:

– Да-да, здравствуйте! Проходите, Раиса Рахадимовна у себя.

Максим посмотрел на табличку двери – «Судья Сомова Раиса Рахадимовна», постучал и вошел во внутренний маленький кабинет. Убранство помещения, как и всё вокруг, отражало дух эпохи прошлых лет. Пол застелен ветхим линолеумом, краска на стенах отливала унынием советской государственности. По бокам кабинета стояли два строгих шкафа, с полок которых выглядывали затертые тома законодательных актов с торчащими закладками.

В очередной раз молодой прокурор поймал себя на мысли, что время в провинции остановилось много лет назад, и закрыл за собой дверь.

Напротив входа за старым письменным столом сидела женщина преклонных годов, казашка, с короткими темными волосами и весьма серьезным взглядом.

Она медленно сняла очки, протерла глаза и задвинула подставку с клавиатурой компьютера – пожалуй, единственного здесь предмета, возвращавшего к осознанию настоящего времени.

– Да, проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Я вас давно жду, – гостеприимно поприветствовала она, а затем посмотрела в записи раскрытого ежедневника под рукой. – Максим Андреевич, верно?

– Да, Раиса Рахадимовна, очень приятно. Вот поручение на поддержание обвинения.

– Ага, хорошо, – она взяла протянутый ей лист бумаги с печатью, смерила его взглядом и отложила в сторону. – Я сегодня разговаривала с вашей начальницей, и она сказала, что прокуратура всерьез обеспокоена судьбой дела. Очень хорошо, что вы осознаете серьезность ситуации.

Судья встала со стула, немного хромая на одну ногу, подошла к сейфу и извлекла оттуда стопку томов уголовного дела, которые положила на стол рядом с Максимом.

– Сейчас будете смотреть материалы, поймете, о чем я говорю. Доказательства очень слабые, надо сказать. На месте прокурора я бы такое дело назад завернула. Не буду вам все перечислять, просто посмотрите сами и скажите мне ваше мнение. Уж сколько лет я работаю, такого на моей памяти еще не было. Сколько вам надо времени? – спросила она у молодого человека.

Посмотрев на документы, он встал, взял их обеими руками и сказал:

– Мне не дали возможности особо увлечься чтением, поэтому, думаю, мы сможем обсудить к концу дня. Я здесь почитаю материалы и зайду к вам ближе к вечеру.

С этими словами он вышел из кабинета судьи, а она, проводив его взглядом, откинулась на спинку кресла, тяжело вздохнула и подумала, что после этого дела уж точно отправится на пенсию.

Раиса Рахадимовна уже на протяжении сорока лет отправляла правосудие в этом районе и на своем веку повидала бесчисленную массу разношерстных негодяев и потерпевших их злодеяния местных жителей. Ей приходилось отсылать за решетку как спившихся воришек уток, так и хладнокровных душегубов.

Вопреки колким шуткам общественности о гуманности советского суда, она всегда принимала решения по совести. Видя слабый уровень профессиональной подготовки представителей правоохранительной системы, с которыми приходилось работать, она регулярно приглашала их к себе в кабинет и жестко отчитывала за допущенные нарушения, но всегда делала это строго наедине и исключительно в образовательных целях, подробно разясняя, как следовало поступить и что предпринять, дабы это исправить.

Тщательно разбираясь в каждом материале, отписываемом ей председателем суда, Раиса Рахадимовна объективно подходила к любой ситуации, принимала исчерпывающий комплекс необходимых мер для законных и обоснованных решений, которые лишь в исключительных случаях изменялись вышестоящей инстанцией. В то же время были случаи, когда областной суд выказывал недовольство результатами ее деятельности, поскольку, будучи человеком старой закалки, она имела особое мнение, зачастую разнящееся с позицией руководства, и не брезговала оправдательными приговорами. С досадой видя, что их явление постепенно вымирало как вид, судья часто испытывала глубокое сокрушительное чувство к молодым судьям, которые всячески старались избегать таких решений даже там, где это жизненно необходимо.

В судебных заседаниях ее знали строгим вершителем судеб, который, помимо требований о беспрекословном исполнении регламента, мог открыто отпускать нравоучения в адрес скамьи подсудимых, отличившихся в безнравственном поведении. Они безмолвно стояли, виновато опустив головы, и стыдились показать залитые краской лица. Судья говорила простым языком очень сложные и правильные вещи.

За стенами суда в отсутствие черной мантии внешне она едва ли отличалась от обитателей поселка: ходила в халате с авоськой в продуктовый магазин, подолгу болтала с соседками на скамейке у дома, любила копаться в огороде, пить сладкий чай с молоком и нянчиться с внуками.

Каждый прохожий здесь знал Раису Рахадимовну и безмерно ее уважал. Сельчане время от времени навдывались к ней с неразрешимыми личными проблемами и возникающими междоусобицами – она была своего рода Царем Соломоном местного значения. Благодаря огромному опыту, незаурядному интеллекту, тонкому чувству справедливости и душевной доброте вокруг этой деревенской женщины не оставалось неразрешенных конфликтов.

Несмотря на то, что неделю назад судья отпраздновала свое семидесятилетие, она до сих пор пребывала в трезвом уме и твердой памяти. Кроме больной ноги ее здоровье было вполне исправным. Однако она болела за каждое свое дело всем сердцем, от чего оно бушевало

изрядно и в последнее время все чаще подсказывало ей решение уйти в разряд полноценных пенсионеров.

В суде, помимо Раисы Рахадимовны, трудились еще четыре служителя Богини правосудия, но уголовное дело председателю показалось чрезмерно сложным, поэтому решено отписать рассмотрение именно ей, как самому опытному судье.

И вот самый опытный судья, невзирая на все свои морально-волевые качества, теперь сидит и думает, что впервые оказалась в столь затруднительной ситуации. Ведь события произошли в селе Марфино, вокруг которого всегда пугающе клубилась мистика, а подсудимая была чуть ли не главным мистификатором всей округи.

Флюра Ашимовна проводила прокурора в зал для ознакомления с делом. Он начал листать его с легким раздражением, выражая судьбе претензию за ссылку в путешествие по сомнительным красотам региона, населенным не самыми интересными ему людьми.

Получив в столице престижное академическое образование, Максим никак не рассчитывал на переезд в глухую Астраханскую провинцию и работу с ее борющимися за выживание обитателями. Но сложилось так, как сложилось, и вот уже на протяжении нескольких лет он поддерживает государственное обвинение в жарких стенах судов каспийского юга.

Достаточно молодой возраст и пристрастие к кутежу не помешали ему, однако, зарекомендовать себя на службе грамотным специалистом и в скором времени получить повышение до областного звена. Как в поздние годы школы, так и в студенческие времена Архангельский существенную часть быта посвящал дорогим гулянкам с друзьями, алкоголю и прелестным юным леди. Студенты полагали, что их сокурсник заключил сделку с дьяволом и может свободно существовать без еды и сна, подпитывая свою прекрасную успеваемость одним лишь алкоголем (но, надо признать, хорошим). Учеба ему на самом деле давалась легко: стоило лишь раз пробежать взглядом по материалу, как он прочно укладывался в крепкий фундамент памяти и мгновенно активизировался оттуда в случае необходимости.

Отцовские гены позволяли мальчику расти человеком высоких когнитивных возможностей. Учителя видели в нем большой потенциал, но по шкале поведения он всегда балансировал между двойкой и тройкой. Говорил красиво, с ясностью и отчетливостью выражения, изяществом дикции. Ораторским искусством овладел с юных лет, что, безусловно, очень ценили окружавшие его люди, особенно те из них, что были женщинами. Благодаря этому же навыку он без особого труда справлялся с семейными баталиями, разгоравшимися дома по поводу жалоб преподавателей. Находить аргументы к выходу из этих ситуаций ему уже помогали гены матери. Ее интеллект, конечно же, значительно уступал отцовскому, но благодаря особенностям темперамента сильно помог развить хитрость и умение получить желаемое любой ценой. В то же время побочным эффектом оказалось чрезмерное себялюбие и пренебрежение многими моральными устоями.

Работа с криминалистикой пробудила в Максиме Андреевиче дикий интерес к уголовным элементам еще на кафедрах вуза, посему реализовываться в профессии ему было в радость.

Итак, прежде всего, он открыл протокол осмотра места происшествия – на его взгляд, самый интересный материал в уголовных делах о преступлениях против жизни и здоровья. Сразу же перелистав документ до фототаблицы, он стал разглядывать цветные снимки – важную интерактивную составляющую, позволявшую ему достичь максимального погружения в обстановку событий. Если криминалисты старались на славу, фото получались объемными, красочными и информативными.

Вот панорамный снимок домовладения, в котором совершено преступление. Следственно-оперативная группа прибыла на место происшествия к утру, когда лучи солнца уже ясно обрисовали экспозицию обстановки. Большой двухэтажный деревянный дом с тяжелыми

ставнями на окнах обвивался сверху огромной ивой, раскидистые ветви которой низко нависали над улицей. В облике самого дома было что-то угрюмое и даже зловещее.

Обзорный снимок двора, заросшего чертополохом с полынью и обнесенного по периметру ветхим частоколом.

Узловой снимок сарая во дворе, рядом с которым на тропинке в мокрой одежде лежит тучное безжизненное тело. И фото самого трупа с бледно-синей кожей, с конечностями, скрюченными в неестественной форме. Следов крови на снимке не было запечатлено, но при взгляде на следующий кадр с крупным планом головы потерпевшего у Максима зашевелились волосы, по телу пробежала холодная дрожь. На сером лице погибшего застыла гримаса ужаса, испытанного в предсмертные секунды. Рот был широко раскрыт в попытке истошного крика, а глаза закатаны вверх. На шее зиял след проникающего укуса от неровных зубов, и проступали багрово-фиолетовые гематомы, похожие на отпечатки душения. Рядом с трупом на деревянной веранде сарая стоял стол, под которым в полу торчал кухонный нож.

На снимках внутренних помещений домовладения отмечено нарушение общего порядка вещей. Столы лежали перевернутыми, поломанные стулья разбросаны по полу, занавески сорваны со стен вместе с карнизами. Двери шкафов выломаны, вещи валяются хаотично на полу вместе с разбитой посудой.

«Да что там произошло в этом Простоквашино?» – безмолвно выкрикнул Максим. Найдя том с обвинительным заключением, он прочел, что Хилер Агата Никаноровна, находясь в период между 4 и 5 часами утра 7 июля 2018 года на берегу реки Конная в селе Марфино, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений с Вяземским Сергеем Ивановичем с целью лишения его жизни, сжимая руками шею, стала погружать последнего в воду, в результате чего он скончался на месте происшествия.

Хилер задержана у себя дома, находилась в инвалидной коляске рядом с трупом. Из акта вскрытия следует, что причиной смерти явилась механическая асфиксия вследствие закрытия дыхательных путей водой при утоплении. Алкоголь в крови погибшего не обнаружен. Один прямой свидетель из местных и несколько очень косвенных. Очевидец был в сильном алкогольном опьянении, но утверждает, что видел, как подозреваемая своими руками топила мужчину в реке. На теле потерпевшего человеческий укус и следы удушения с ранами от ногтей. На одежде подозреваемой обнаружены частицы одежды погибшего, равно как и на его вещах обнаружены волокна ткани одеяния преступницы. Но как потерпевший и Хилер оказались во дворе ее дома – материалы дела не объясняют.

Полицию вызвала внучка обвиняемой, которая обнаружила во дворе труп.

Согласно заключению психиатров обвиняемой диагностирован магифренический синдром.

«А это еще что за болячка? – Максим при виде такого вывода экспертов подробнее остановился на тексте исследования и подытожил – Бабка дошла до старческого маразма, в Вальпургиеву ночь совершила паломничество на Лысую гору и погрузилась в пучину деревенского оккультизма».

За окном уже смеркалось, когда прокурор закончил ознакомление с предстоящей работой. Сформированная привычка скрупулезно изучать каждую страницу дела помножилась на непреодолимый интерес разобраться в этом далеко нестандартном происшествии. Он даже забыл о чувстве голода и поймал себя на мысли, что поторопился, решив сначала быстро разобраться с бытовым убийством. Собрав разложенные по столу бумаги, он направился обратно к судье.

Раиса Рахадимовна стояла у открытого настежь окна и наливала кипяток в прозрачную чашку с густой заваркой, когда прокурор зашел в кабинет.

– А, познакомились? Чаю хотите? – спросила она и, не дожидаясь ответа, достала из шкафа посуду, зная, что парень не прерывался на обед.

– Да, спасибо – ответил он, после чего глубоко вздохнул так, что это было сложно не заметить, и обрушился в кресло.

Судья с сочувствием тихо посмеялась и поставила перед ним чашку ароматного горячего чая.

– Понимаете теперь, о чем я говорила, да? – с интересом наблюдая за реакцией молодого человека, она села в свое кресло, напротив него.

Он ничего не ответил, отхлебнул чаю и задумчиво посмотрел в окно. С минуту они молчали, пребывая в ощущении, что им известна тайна, разгадка которой с одной стороны обязана вылиться в одно из многочисленных итоговых решений судопроизводства, а с другой – может так и остаться между строк.

– У нас есть показания свидетеля, который видел, как она его душила – Архангельский выложил единственную идею, которую, как ему казалось, можно положить в основу обвинения.

Судья в ответ улыбнулась, кивнула головой и, сняв очки, спросила:

– Максим Андреевич, а вы в Бога верите?

– Иногда.

– Наверное, это как раз тот самый случай, когда стоило бы к нему обратиться за поддержкой, – заметила она и замолчала, обратив на него выжидающий взгляд.

Молодой человек вопросительно поднял на нее глаза, но не ответил. Она посмотрела в окно и задумчиво продолжила:

– Причем, как за поддержкой сил, так и за помощью в этой непростой истории, потому как доказательственная база собрана, на мой взгляд, сомнительная. Ладно, не буду я шибко демонизировать нашу бабушку. Раз уж ваши решили утвердить обвинительное заключение, давайте работать.

С такой преамбулой они приступили к обсуждению дела. В допущенных неясностях и предстоящих проблемах их взгляды, безусловно, сошлись. Посетовали на качество предварительного расследования, упрекнули действенность прокурорского надзора и поиронизировали над перспективой судебного решения.

– А кто адвокат у нее? – спросил Максим.

– Да наша, местная, Корчагина Анна Сергеевна. Она по назначению работает у бабушки, деньги-то откуда на платного адвоката? Но я вам хочу сказать, чтобы сильно не расслаблялись. Анна Сергеевна давно у нас работает, у нее большой опыт и довольно сильный ум. Когда дела ей интересны, она весьма глубоко проникается ситуацией и активно борется за подопечных.

– Не встречал еще «бесплатных» адвокатов, которые бы на самом деле показали что-то стоящее в суде, – скептически махнув рукой, ответил обвинитель.

– Ну вот посмотрите, как она будет состязаться с вами. В сельских глубинках тоже бывают профессионалы, – добродушно посмеялась в ответ Раиса Рахадимовна.

– Ладно, как вы уже успели понять, бабушка у нас не ходячая почти, – судья надела очки и заговорила более официальным тоном. – Решили ее не заключать под стражу, а содержать под домашним арестом. На коляске в суд будет заезжать.

– Я думал, она в ступе будет прилетать.

– Смотрите, как бы она в этой ступе вас с собой не унесла, – пошутила она в ответ с серьезным лицом и продолжила, – Как вам, наверное, уже сказали, мы проведем выездные заседания в Марфино. У нас участники дела старенькие и больные, им было бы проблематично ездить сюда, поэтому попросили поближе там поработать, и мы пошли им на встречу. Да и так удобнее будет, мы отсюда на служебном транспорте всех легко перевезем туда. Я договорилась с главой сельсовета, нам выделят помещение в марфинской администрации; с утра будем при-

езжать, садиться в процесс с перерывом на обед и во второй половине дня пару часиков тоже посидим. И домой. Думаю, за неделю мы управимся.

Она выдержала паузу, чтобы убедиться в непротиворечии собеседника, который, в свою очередь, утвердительно кивнул, после чего она продолжила:

– Я вас очень прошу, повнимательнее отнеситесь к анализу доказательств. Все-таки обстоятельства не пустяковые, хотя дело и небольшое.

– Конечно, приложу максимум усилий.

– Тогда я назначаю заседание на четвертое число и на этом с вами прощаюсь.

Максим встал, взял свои вещи и попрощался с судьей, поблагодарив ее за чай. Выйдя на улицу, он сел в свою машину, завел двигатель и медленно направился к выезду из поселка в город.

III

Ноябрьский вечер пятницы в одном из городских кафе исполнился атмосферой гуляний по случаю дня рождения владелицы местного салона красоты. В поздний час от небольшой компании за круглым столиком в дальнем углу заведения остались три женщины. Подруги колко подшучивали над очередным «восемнадцатилетием» виновницы торжества и поднимали бокалы с дорогим шампанским, звонко чокаясь за негаснущую красоту великих женщин, непременно стоящих за каждым великим мужчиной. На их столе разместились изысканные закуски из морепродуктов и различных деликатесов с непроизносимыми названиями.

Великие женщины без умолку обсуждали законодательные тенденции моды, свежие премудрости косметологии и щепетильные подробности своей личной жизни.

– Ой, я тебя умоляю, меньше знаешь – лучше спишь! – сказала именинница, коротко стриженная блондинка в белой кашемировой водолазке, и сделала большой глоток холодного газированного алкоголя. Умудренная жизненным опытом, она считала важным сохранять почтительное неведение относительно вещей, которые, по ее разумению, могли нарушить душевное спокойствие.

– Вот и нет, милочка! – деловито покачав головой, возразила спорившая с ней брюнетка в черном шелковом платье миди, – степень эмоциональной реакции обратно пропорциональна знанию фактов. Чем меньше ты знаешь, тем неистовее реагируешь, Света!

Собеседницы повисли в паузе, обратив на ораторшу вопросительные взгляды.

– Анна Сергеевна, а ты у нас сама-то всегда понимаешь, че говоришь? – смеясь, обратилась к ней сидевшая рядом подружка в красной шифоновой блузке с яркими губами, накрашенными матовой, в тон блузке, помадой. Еще со школы она воспринималась другими слишком доброй, даже слегка недалекой и наивной, но по этой же причине любимой всеми.

– Это все пузырьки в бокале, Тань, – ответила та. – Начинаю говорить так, как думаю.

– Ладно мы, но перед мужиками бы хоть так не выделялась, – продолжила Татьяна. – Мы тебя так никогда замуж не выдадим, Корчагина.

– Видимо, мы, старые маразматички, ничего не понимаем, – поддержала ее Светлана. – Аня у нас шальная императрица с претензией на интеллект.

– Эта претензия, – сказала Анна Сергеевна, – подсказывает, что замужем мне больше делать нечего. Последний мой, директор совхоза который, умный и порядочный мужик, отец троих детей, бывший военный. А женушка – толстая, неухоженная, смешная старуха. Со мной был чаще, чем дома.

– Ну да, конечно, – вмешалась Татьяна. – Ты бы потаскалась с ним с молодых лет по гарнизонам, да по горячим точкам, да детей троих родила в отсутствие условий. Посмотрели бы мы.

– Пфф, это ее проблемы! – фыркнула Анна Сергеевна. – Подарил мне белье шикарное «La Perla». Ну а кому еще дарить, не этой же.

– Зря ты так думаешь, – возразила именинница. – У меня знакомая, хозяйка бутика нижнего белья, рассказывала, что многие мужчины, как правило, покупают два одинаковых комплекта разных размеров – один любовнице, другой – супруге. Давайте выпьем уже!

Женщины со звоном скрестили бокалы, и в этот момент в кафе вошел статного вида мужчина, пропуская вперед себя высокую женщину в шерстяном пальто.

– Девки, смотрите-смотрите, Анжелкин бывший пришел. Слушайте, баба у него прям некрасивая какая-то.

– Не некрасивая, а недофинансированная.

– Ну, знаете ли, с лица воду не пить. Может, она в постели – ураган.

– Ага, а на носу у нее не родинка торчит, а точка Грефенберга.

Подружки захихикали, обратив на себя многочисленные взгляды посетителей кафе.

– Кстати, продолжая тему точки G, – подхватила волну Татьяна, которая была гинекологом. – Вы в курсе, что женщина может испытывать целых восемь видов оргазма?

И она начала в подробностях описывать клинические случаи и пути реабилитации. Сидевшие за соседним столиком мужчины прекратили свои разговоры и с нескрываемым удивлением смотрели на женщин.

Между тем, Анна Сергеевна констатировала, что шампанское закончилось. Взглянув на часы, она подумала, что ей пора домой, хотя оставлять приятное общество подружек совсем не хотелось. Обычно девичьи посиделки они заканчивали, когда ресторанные работники уже начинали им намекать на необходимость завершения, но в этот раз ей предстояло много работы на утро.

– Ой, девчат, времени уже полно, а мне еще в свою деревню возвращаться, – сказала она, скрестив руки на груди, предчувствуя неодобрительную реакцию. – С утра в суд, надо готовиться к делу по моей бабке.

– Тьфу, уже мы даже это твое дело наизусть знаем, – ответила Татьяна и, махнув рукой, продолжила, – че уж о тебе говорить. Посреди ночи тебя разбуди, ты речь задвинешь в защиту бабки. Ты мне лучше скажи, не надумала в город перебираться-то? Сколько будешь чахнуть в своем селе? Тут все-таки и люди поинтереснее, и деньги другие водятся. Надо же стремиться к развитию.

– Да не люблю я эту суету городскую, Тань. Меня вполне устраивает работа адвокатом в губернской провинции. И поведение в зоне комфорта не всегда должно стремиться к выходу из нее. Если четко отдавать себе отчет в том, что твой сценарий дает тебе возможность есть, пить и получать другие удовольствия, то можно прекрасно справляться и без вот этих твоих амбиций. Особенно в моем возрасте, – подытожила она, подняв палец вверх. – Кстати, бабку обвинять будет прокурор молоденький совсем. Говорят, страсть какой импозантный юноша. Мне фотки показывали – он прям ух!

Именинница, наблюдая, как томно Корчагина с приподнятой бровью преподнесла последнюю фразу, оживленно возмутилась:

– Аааня! Ты что? Разница между партнерами больше двенадцати лет – это уже педофилия! Он ведь в сыновья тебе годится!

– Фу, Свет, хорош лозунгами вещать, а! Ты у нас двадцать лет безнадежно счастлива в браке – тебе молодых и красивых не понять, – с улыбкой ответила Анна Сергеевна. – Ладно, девчат, я припудрю носик и собираться буду.

С этими словами она встала из-за стола и направилась в другой конец зала. Захлопнув за собой дверь уборной, она оступилась и чуть не упала, подвернув ногу на высоком каблуке. Скорчив лицо от боли, она замерла на минуту, а потом тихо успокоила себя:

– Спокойно, Аня. Все нормально. Это такая жизнь.

В тот же момент она поймала свой взгляд в зеркале на стене и на какое-то время застыла в таком положении. Недаром алкоголь называют усилителем осознанности. В голове прогремело замечание именинницы по поводу того, что они не выдадут ее замуж. Отражение в зеркале скептически усмехнулось, как бы говоря, что не так уж и хотелось-то.

Корчагина в свои сорок лет уже успела пресытиться святыми узами брака, в котором у нее появился сын.

В бурной молодости она долго оттягивала момент замужества, но в тридцать от решения выйти замуж уже не удалось отвертеться: ему помогло состояться назойливое давление со стороны родителей и друзей, считавших своим долгом при каждом удобном случае напоминать ей, что «часики-то тик-так». Позволив будущему мужу побыть рядом с собой больше положенных двух недель, она убедила себя в том, что любит его и что он отличный кандидат для

создания ячейки общества. В отличие от нее, супруг искренне любил, с усердием выполнял обязанности по дому и приносил в него неплохие деньги.

И все вроде было хорошо, однако она не переставала ловить себя на мысли, что муж ей невыносимо скучен. Иррациональность женского сердца не позволила союзу долго существовать, и Анна Сергеевна стала изменять мужу. Рыбный промысел и туристический бизнес благоприятствовали наличию в областном районе интересных личностей. Сначала эти щекотавшие нервы мероприятия, казалось бы, вдохнули в нее прежние краски жизни и выровняли просевшие отношения с мужем. Она стала убеждаться, что постоянное удержание себя на грани нервного срыва стабильно защищает ее эмоциональный центр от пролежней. Но со временем неверная супруга пришла к выводу, что измены все же не спасают брак, и, устав страдать от душевных метаний, подала на развод.

Затем наступил длительный период новых краткосрочных романов и растущее убеждение, что впредь уже сходить с кем-то надолго не имеет глобального смысла. Спустя несколько лет праздной жизни непостоянная женская натура почувствовала где-то в глубине души тягу к стабильности в личной жизни, одновременно испытывая скверные чувства к своим мимолетным интрижкам. Анна Сергеевна перестала исключать возможность вступления в новые серьезные отношения. После этого она регулярно обещала подружкам снова выйти замуж, но космос всегда откладывал это событие на потом.

Корчагина поправила длинные падающие на плечи волосы, оперлась руками на столешницу раковины и ближе склонилась к зеркалу. Расширенные этиловым дурманом зрачки стали разглядывать расходящиеся от уголков больших зеленых глаз морщины. Она знала, что не была красавицей, но многие мужчины находили ее внешность привлекательной, а харизматичное нутро кокетки усиливало это обстоятельство.

Анна Сергеевна устала разглядывать себя и перевела взгляд в угол зеркала, где увидела наклейку с текстом «Отражения в этом зеркале могут отличаться от сложившихся в обществе идеалов красоты».

IV

В день судебного заседания Архангельский отправился в Марфино заблаговременно. Процесс был назначен на десять утра, и несколько предшествующих ему часов прокурор решил посвятить прогулке по окрестностям поселения: ознакомиться с локацией, посмотреть на людей и просто подышать свежим осенним воздухом, свободным от городской загазованности.

Светает в это время года поздно, и в тот момент, когда его автомобиль подъехал к паромной переправе через реку Бузан, рассвет только начал тускло освещать серыми красками открывающийся на том берегу вид села.

Въехав на причал, Максим, не заглушая двигатель, вышел из машины и стал смотреть на темную водную гладь, по которой к нему медленно плыл пустой паром. Утро было холодным, отчего по телу пробежал озноб, и Максим, съжившись, поднял воротник темно-серого драпового пальто. Под ним были классические шерстяные брюки и жилет теплого серого оттенка в крупную, едва заметную, клетку. Белая сорочка завершала образ бирмингемского денди. Каспийское море совсем рядом, и нахлынувший порыв моряны мгновенно пробрался под одежду и заставил Максима пожалеть, что он не надел ватные штаны с бушлатом – безупречный стиль не прибавлял тепла, а наталкивал на понимание опрометчивого выбора гардероба для подобного места.

Река Бузан достаточно широка, оба берега густо поросли камышом, но село на той стороне находилось на возвышенности, а потому хорошо просматривалась пробуждающаяся там жизнь. В окнах домов горел свет, из труб на крышах медленно шел дым, где-то кричали петухи. По берегу катилась четырехколесная повозка с большими металлическими бидонами, сонный возничий едва держал вожжи в такт лениво бредущей лошади. С деревянного помоста на воде рыбак закидывал удочку, рядом с ним спал белый пес. Максим ощутил приятную ностальгию по школьным каникулам у бабушки в подмосковной деревне.

В ходовой рубке приближающегося парома капитан курил сигарету. Архангельский сел в машину и подъехал ближе к причалу. Заехав на баржу, он снова вышел из машины и подошел к выбравшемуся из рубки паромщику.

– Сколько стоит удовольствие? – спросил он, доставая из внутреннего кармана кошелек.

– Двадцать два, – густым басом ответил долговязый, с маленькой черной бородкой и длинным носом капитан судна. От него исходил стойкий запах перегара, перемешанного с сырой рыбой. Из одежды на нем были черный ватник и камуфляжные штаны, заправленные в высокие резиновые сапоги.

Максим почему-то подумал спросить про оплату картой, но сразу же отогнал эту мысль и, достав из портмоне пятисотрублевую бумажку, протянул ее паромщику. Тот посмотрел на купюру, потом на Максима и снова на купюру.

– Это тебе не Питер, – пробасил он и, махнув головой в сторону села, добавил, – а там не Хельсинки.

Убрав деньги обратно, Архангельский вернулся к машине, покопался в бардачке, нашел там сто рублей и отнес их долговязому:

– Сдачу оставьте.

Паромщик, кивнув, охотно взял купюру и быстро спрятал ее в карман.

– Билет надо? – спросил он исподлобья, как бы ожидая отказа.

– Нет. Лучше про село расскажите.

Капитан залез наполовину в рулевую рубку, запустил двигатель и вышел обратно. Он распрямил спину, посмотрел в сторону берега и, прищурив один глаз, почесал затылок.

– Да че рассказывать-то. Село как село, – сказал он, зевая. – Небольшое, за полчаса обойдешь все. Бугор этот – Вшивый, на котором село. Раньше и село было Вшивое, а потом вот Марфино стало.

Баржа тихо тарахтела и плавно двигалась к тому берегу, распуская в стороны по реке ровные волны.

– Люди какие живут тут, добрые? – спросил Максим, тоже повернувшись в сторону бугра, на который указывал паромщик.

– Да всякие люди живут. Тыщи три население, чуть поболее, может. Разный народ. Есть и сносный вполне. Бывает, некоторых и потерпеть придется. А иной раз попадаются и те, что лучше за версту обходить.

– Это кого тут лучше обходить? – любопытствовал Максим.

– Да есть тут некоторые. Особенно загадочные. Им тут что медом намазано. Черт их знает, че их тянет сюда. Ведуньи есть, знахари-целители водятся. Тут вот через пару улиц после причала живет ведунья одна. Но она белая, как говорят. Безвредная. Наоборот, лечит даже. Я сам у нее был той зимой, она мне геморрой отшептала. Разные тут есть всякие. Есть и темные. Там вон слева на окраине села есть еще Ватажка, деревня за мостом через речку. Вот недалеко от моста бабка-затворница живет. Она из хаты вообще не выходит. А только все в окошко глядит недобро так. Кровь в жилах стынет, как взглядами с ней, не дай Боже, встретишься. Под судом вот теперь оказалась каким-то делом.

Паромщик прекратил рассказ и перекрестился.

– Какими судьбами-то к нам нелегкая занесла? Ехал бы ты отсюда, – сказал он, закуривая сигарету.

– Вот, видимо, по ее душу-то и приехал, – ответил Архангельский, скрестив руки на груди. – За что повязали ее, известно вам?

Паромщик насторожился и неодобрительно покачал головой:

– Не, не знамо. Это тебе лучше будет спросить вон у Аркадия Степановича Котова. Бывший глава сельсовета. Теперь уж на пенсии давно, но все дела тут знает. Он у школы живет.

Максим попытался вспомнить эту фамилию среди свидетелей по делу, но архивы памяти ответили отсутствием информации.

– А я стараюсь в эту чертовщину не лезть, – продолжил паромщик после паузы. – Мне тут и своих бед хватает. Машины вон с парома то и дело падают. Ты ручник-то дернул у своей?

– Дернул.

– Черт знает что! Всякий раз сам хожу, смотрю, всех переспрашиваю – машинки надежно стоят вроде. А, нет! Скатывались уже сколько в воду. Вода тут страшная. Тот месяц причалил, а крайний жигуль раз и покотился назад. И водитель на месте был, и пассажиров две женщины сидели, и хоть бы хны. Плюхнулись и в минуту под воду ушли. Чертовщина какая-то... Так и не выбрались. Спасатели только потом всех утопленниками вытащили.

– Скверно. Ладно, я пойду. Спасибо! – С этими словами Архангельский пожал руку паромщику, вспомнив Харона, перевозчика душ умерших через реку Стикс в древнегреческой мифологии. Сев в машину, он дождался, пока судно причалило к берегу и опустило аппарат¹, после чего предельно осторожно, держа в голове историю паромщика, начал движение к выезду.

Съехав на берег, Максим посмотрел в навигатор и повел автомобиль по грунтовой дороге узкой улицы в направлении здания сельской администрации, или, как по старой памяти принято говорить за чертой города, сельсовета, где должно проходить судебное заседание.

¹ Аппарельное устройство – подъемно-опускающий механизм в носовой и хвостовой частях парома, посредством которого осуществляется въезд и выезд с судна на берег.

Администрация располагалась на вершине холма и представляла собой отдельно стоящее здание довольно больших размеров. Припарковав машину у входа, Архангельский запер двери, надел перчатки и направился к домам частного сектора.

С обретающими силу лучами солнца на улице стало заметно светлее, и воздух здесь был не такой холодный, как на реке. Дышалось очень легко в сравнении с городом, как будто сам состав воздуха был иным. Однако стали слышны и земляные нотки навоза.

Путь от сельсовета к жилым домам разделял небольшой пустырь. Недалеко от проселочной дороги, по которой держал путь Архангельский, по земле шли козы, которых, помахивая древесным прутом, конвоировала пожилая женщина в платке и со скрюченной спиной.

Отсутствие в селе асфальтового покрытия на дорогах еще сильнее отдаляло от сопричастности к современной цивилизации и погружало в атмосферу глубокого прошлого столетия. Максим почувствовал себя ближе к пониманию того, почему Москву называют отдельным государством в составе России.

Навстречу шел маленький старик с седой бородой, кативший двухколесную тележку с каким-то хламом. Подойдя ближе, Архангельский замедлил шаг и, поравнявшись с ним, остановился:

– Доброе утро! Подскажите, как мне найти Аркадия Степановича Котова?

– И тебе не хворать! – сирым голосом ответил старик, тоже остановившись. Щуря глаза и дыша открытым ртом с редкими зубами, он какое-то время разглядывал прохожего, после чего спросил:

– Это бывшего главу, что ль, Степаныча?

– Да-да, его.

– А кто интересуется, коль спрашиваешь? Стало быть, не из местных.

– Мне сказали, что он много о селе знает. Хотелось полюбопытствовать у него.

– Аа... Любопытных-то развелось. Один вон тоже приехал давеча, все любопытствовал ходил. А это, говорит, как тут, а то как. Страсть любопытный был. Да и сгинул.

– Как сгинул? – с наигранным удивлением спросил Максим, понимая, о ком идет речь.

– Да черт его знает, как сгинул. Сгинул и все тут, – безразлично ответил старик, махнув рукой. – Вон Степаныч, небось, и знает. Поди его попытай. Вон за домами школу видишь? По правую руку дом с коричневой крышей – там и живет Степаныч.

– Благодарю. Будьте здоровы! – Максим кивнул головой и пошел в указанном направлении. Старик еще немного постоял, провожая его взглядом, и вернулся к своей тележке.

Следующие попутчики оказались непригодными для расспросов: дорогу перебежала орава гусей, которые оживленно гоготали что-то себе под нос и, судя по всему, были очень заняты. По другую сторону дороги между домами стоял одноэтажный кирпичный магазин с облезлой табличкой «Продукты», на пороге которого полулежа полусидел представитель «местной интеллигенции» лет пятидесяти в рваном тулупе и, похоже, сильном алкогольном опьянении. Грязная шапка, неаккуратно натянутая на голову, закрывала один глаз, второй – размеренно вел мониторинг оперативной обстановки. В перерывах между икотой он подтягивал к себе соскальзывавшую с порога ногу, которая отказывалась служить ему опорой в этой нелегкой борьбе за ожидание открытия магазина.

– Бог в помощь, милый человек! – громко поприветствовал он Максима, неожиданно приободрившись и вытянув вверх качающуюся руку. – Желая здравствовать и радоваться!

– И тебе привет! – ответил Архангельский, подойдя поближе. – Как обстановка?

– Беез происшествий, – с усилием протянул мужчина. С трудом поднимая голову, глядя снизу вверх, он спустя секунду продолжил, немного снизив тон, – дай червонец, а? Трубы горят, я того рррот!

Максим, сжав губы, с минуту рассматривал нуждающегося, потом посмотрел на коричневую крышу дома бывшего главы, выглядывающую из-за соседнего дома, и, расстегнув пальто,

достал из внутреннего кармана портмоне. После недоразумения на пароме он нашел в машине еще несколько сторублевых купюр и поместил их в кошелек на всякий случай. Вынув одну из них, он сказал мужчине:

– Знаешь Хилер Агату Никаноровну?

– Пфф, яссень пень! – еще сильнее взбодрившись от вида денег, ответил тот. – Бабка поехавшая, у моста на Ватажку живет.

– Почему поехавшая? – заинтересовавшись появлением новых сведений, спросил Максим.

– А какаая? – возмущившись абсурдностью вопроса, протянул мужчина. Поняв, что от него ждут подробностей, он продолжил, – Если не поехала, то как же она полетит тебе?

Максим разочарованно выдохнул, потеряв надежду получить значимую информацию. Но мужчина, не дождавшись ответа, продолжил говорить:

– Я сам видел, отвечааю! Мы тот раз у кумы были на хате, а она в соседнем доме от бабки живет. Мать кумы была, кум был и я с Иванычем. Эт бригадир наш. Ну сидели дома за столом, выпивали маленько, смеркалось уже. Вдруг слышим: тук-тук! В ставни закрытые за окном постучали. Кум пошел посмотреть, кого там принесло, а мы дальше сидим. Ну и это... Сидим-сидим, а его все нет и нет. Ну кума встала, говорит, пойду схожу, посмотрю, че он там. И уходит, значит. Потом слышим крик с улицы: ааааа! Кума визжит. Мы вскочили и давай все туда бегом, на улицу. И это... Во двор выбегаем, там кум у крыльца на грядке лежит. В отключке напрочь. А кума стоит возле него, визжит, что резаная, и рукой показывает туда, на улицу за забор. Мы смотрим, а там бабка, поехавшая эта, в воздухе висит как бы над забором нашим. Не темно совсем было, сумерки, говорю же. Узнали мы ее, она это. Парит как будто над землей, понял? Ну мать кумы как заорет на нее, прогонять стала ее, типа. И молитвой давай на нее кричать. И все, и та будто на землю опустилась там, за забором нашим и скрылась, понял? И все. А кум преставился. Сердечный приступ. Царствие ему небесное.

Мужчина перекрестился, развел руками в стороны и замолк. Максим еще немного посмотрел на него, нахмутив брови, и, глубоко вздохнув, повторил:

– В воздухе парила, значит...

– Как есть говорю! В ночнушке белой летала над забором! Рожу злую такую скалила.

– А где, говоришь, дом стоит?

Пьяный указал рукой в противоположную сторону села:

– Вон там мост на Ватажку, там, на Васильковой, в конце самом. Он там самый древний.

Не предвидев более интереса от разговора, Максим передал купюру мужчине, после чего спешно развернулся и быстрым шагом продолжил путь. Двойкие чувства остались после этого диалога. С одной стороны, потратил время на бред белой горячки, а с другой – не покидало какое-то жуткое впечатление от услышанного бреда.

Завернув за угол палисадника, обнесенного деревянным частоколом, Архангельский увидел школу, за которой должен был находиться дом бывшего главы. В этот момент из открытой калитки чьего-то двора внезапно показалось металлическое ведро и две державшие его руки. Из ведра прямо перед его ногами на дорогу вылились помои, смачно растекшиеся по земле. Брызги нечистот обильно окатили ботинки Максима, а калитка с грохотом закрылась. Он замер на месте в немом молчании и полифонии экспрессивных эмоций. Единственное, что пришло ему в голову, был вопрос: «Что бы на это сказал Roberto Cavalli?» Максим зажмурил глаза и стал считать до десяти: «Успокойся, ты на их территории. Уважай их обычаи. Играй по их правилам». Вдыхая новый аромат и пытаясь придумать, чем бы протереть брендовую обувь, он не нашел ничего лучше, кроме как смиренно продолжить свой путь.

Открывшаяся панорама школы натолкнула на мысль об известном фильме ужасов «Сайлент Хилл»: облезлая краска на стенах здания, местами выбитые стекла в окнах, руины разрушенных строений на территории, поломанные гимнастические снаряды, обломки строи-

тельного мусора. Максим подумал, что на месте режиссера добавил бы еще на прогулочные дорожки дрейфующие по ветру кусты перекасти-поле. Следовало бы отметить, что с этого ракурса не было видно, что из окон той стороны школы открывался интересный вид на кладбище.

Со словами: «Бедные дети» он поскорее прошел мимо школьного двора и за углом увидел нужный дом. Скромное одноэтажное строение из серого силикатного кирпича по периметру было обнесено коричневым металосайдингом. Визуально своим убранством строение не сильно походило на жилище главного чиновника, пусть и бывшего, из чего Максим предположил, что Котов мог быть честным, добросовестным человеком.

У забора на улице стоял старый зеленый четырехколесный первый москвич без переднего колеса на кирпичной подпорке. Рядом на четвереньках сидел пожилой мужчина в черном вязаном свитере с высоким воротником и копался в ящике с инструментами. За его действиями бдительно наблюдал сидевший рядом маленький черный пес.

Гармония расчета и интуиции подсказывала Максиму – это и есть Котов. Подойдя ближе, он решил нарушить идиллию процесса:

– Аркадий Степанович?

– Он самый. Чем обязан? – вопросительно ответил мужчина.

– Здравствуйте! Меня зовут Максим Андреевич Архангельский. Я из областной прокуратуры. По делу Агаты Никаноровны.

– Аа, да, наслышан. Приехали бабушку нашу на каторгу отправить – смеясь, ответил Аркадий Степанович. Он явно пребывал в хорошем расположении духа.

– Вижу, вы в курсе событий. На самом деле я хочу разобраться в произошедшем. Понять для себя, действительно ли она виновна в преступлении, – ответил Максим. Заведя руки за спину, он обошел машину по кругу, пристально ее разглядывая. Он намеренно начал разговор с Аркадием Степановичем так, будто знал, что бывшему главе известны подробности истории.

Мужчина посмотрел на него ясными, как небо, голубыми глазами, вытер руки тряпкой и поднялся на ноги. Это был невысокого роста коренастый человек со смуглой кожей, короткими седыми волосами на голове и очень осознанным волевым взглядом. Глубокие морщины у уголков глаз и между бровей, прямая осанка, а также приподнятая и немного склоненная в сторону голова сигнализировали о твердости характера, жизненном опыте и о сложности принимавшихся решений.

– А вам теперь какая печаль, как оно было на самом деле? – спросил Аркадий Степанович. – Дело в суде. Следователи ведь уже тут наработали.

– Неясностей много они тут наработали, – ответил прокурор, продолжая сосредоточенно разглядывать автомобиль. Указав рукой на водительскую дверь, он спросил: «Можно?»

– Пожалуйста, – пожал плечами Аркадий Степанович. – Однако когда они здесь были, разговаривали дерзко. Вам же власть стоит почувствовать, вы же ею пользоваться не умеете, у вас сразу гонор просыпается. Вы с людьми разговариваете свысока, будто с преступниками.

Максим открыл дверь, сел на сиденье, осмотрел с довольной улыбкой салон и положил руки на руль. После этого он глубоко вдохнул и, посмотрев через открытую дверь на хозяина машины, с нескрываемым восторгом произнес:

– Пахнет, как в детстве! Он шестьдесят девятого?

– Да, шестьдесят девятого. Разбираетесь? – Аркадий Степанович немного смягчился.

– У деда моего был такой. Он так любил с ним возиться. И я ему помогал все время. Отличный автомобиль, – по-прежнему улыбаясь, сказал в ответ Максим. – Я, Аркадий Степанович, качество следствия нашего тоже, признаться, осуждаю. И манеры поведения следопытов не всегда одобряю. Только они там долго не работают. Бегут туда за статусом и престижем после института, окунаются в водоворот системы и вскоре рапорты подают на уход, не справля-

ясь с нагрузкой. С людьми не успевают научиться работать должным образом. И все же, в каждой системе есть и хорошие ребята. Кому, как не вам, знать об исключениях в чиновничестве.

– Так-то оно так, – кивнув, признал бывший чиновник. – А вас, стало быть, водоворот системы еще не закрутил?

– Да нет там уже ни статуса, ни престижа. Мне сам характер работы нравится. Я вижу в ней подлинный правоохранительный механизм. По зову сердца хочется помогать и защищать. А вот с Агатой Никаноровной никак не могу понять – ее надо защищать или все-таки от нее. Поэтому и пришел к вам, как к человеку образованному, знающему не понаслышке всю изнанку здешней каши.

Аркадий Степанович улыбнулся и почесал за ухом подошедшего к нему пса, виляющего хвостом. Он достал из кармана пачку сигарет и прикурил одну.

– Я, Максим Андреевич, в ночь событий на месте происшествия не был, конечно. Но могу предположить, что товарищ Вяземский не по своей воле из жизни ушел, – заговорил он, сев на стоявший рядом раскладной стул. – Мы с ним много разговаривали, когда он приехал. Его особенно интересовали паранормальные явления в селе и их участники. Особо его интересовала Хилер. Я, знаете ли, стараюсь не говорить о ней вообще и с ним ее не стал обсуждать. Он тут обошел всех магов и волшебников. Это я утрирую, конечно. А вот она категорически отказывалась с ним общаться. Да что говорить, она ни с кем не общается никогда. Ее же затворницей потому и зовут здесь, что она из дома своего не выходит. В Марфино и в самом деле много людей с силой. Имею в виду, силу особенную. Лечиться сюда приезжают из самых разных мест. Очередями стоят у домов приезжие, в машинах иной раз ночуют, чтобы очередь не пропустить. Но есть и такие, как Хилер. Вроде чернокнижников. Вроде бы, темными делами занимаются. Их лучше обходить стороной. Хотя кто как относится. Многие и общаются с ними спокойно. Они же и в магазины ходят, и в город ездят. Но только не эта гражданка...

Неподвижный взгляд рассказчика устремился куда-то вдаль сквозь дым сигареты. Максим спросил:

– Аркадий Степанович, ну вот вы здравомыслящий мужчина. Не пьющий, я полагаю. Вы тоже верите в эти местные паранормальные явления?

– Слушайте, я вообще человек не суеверный. Но прожив здесь всю жизнь, я и правда сталкивался с необъяснимыми вещами. Вы верно заметили, я не пью. И никогда не пил. Ну вот, например, в июне с другом ездили на рыбалку тут недалеко. У Андрея Николаевича мотоцикл «Урал» с люлькой, мы на нем поехали. Он выпивал, конечно, а я-то – нет. Возвращаемся вечером, уже по темноте, и мотоцикл глохнет на трассе. А село уже вот, рукой подать, огни светятся. Ну километр, не дальше. Каким-то чертом бензин кончился вдруг. А мотоцикл, собака, тяжелый. Его не докатишь вручную. И не бросишь же его там. Я Андрею сказал, чтобы сидел и ждал, а сам взял фонарик и пошел до села за топливом. Он выпивший, я его в люльке оставил и пошел. Иду минут десять. Село как было, там же и осталось. Двадцать минут иду, а огни сельские не приблизились нисколько, представьте? Я остановился, оборачиваюсь, а там уже все, темнота, хоть глаз выколи. Кричу: «Андрей!», он не отзывается. Ну что делать, пошел дальше к селу. Вот, положив руку на сердце, я вам не смогу сказать, сколько я шел. Не знаю, как это возможно, но село на горизонте светилось по-прежнему. В какой-то момент я вдруг понимаю, что вода под ногами каким-то чертом оказалась. Думаю, что же это я, с курса сбился и в речку, что ли, угодил? А не видно ничего вообще вокруг. Вот руку вытягиваешь, а дальше – всё, конец радара. Я вам серьезно говорю, это у нас и в селе тут так же. Если вечером как-нибудь останетесь, обратите внимание. Я, значит, развернулся, чтобы на берег обратно выйти. Иду. Чувствую, воды по колено прибавилось уже. Думаю, в темноте вообще попутал ориентацию. Чуть вправо пошел – по пояс уже в воде. Пошел обратно – по грудь ухожу уже. У меня паника началась, я не знаю, что делать. Вокруг темнота. Тут-то я и вспомнил все здешние легенды про «водящих». И где дух мужицкий, где здоровье мое крепкое – как начало меня трясти от страха,

«Отче наш» читать стал, всех святых вспомнил. А дно из-под ног ушло совсем. И я плыву уже в воде весь. Уже попрощался с белым светом, как вдруг слышу, мотор мотоциклетный приближается. Слышу, Андрей меня кричит: «Степаныч! Степаныч!» А с какой стороны кричит – не могу понять. Куда ни повернусь в воде, так с обратной стороны звуки. А сам, представьте, рот разеваю, а крикнуть не могу в ответ. Голос пропал совсем. И, слава Господу, свет фары появился рядом уже. Я давай барахтаться в воде, что есть силы. Не знаю, как он меня нашел, но съехал на берег на мотоцикле, зашел в воду и поплыл за мной. В общем, вытащил меня и расспрашивать меня начал, а я рот открываю, а слова так и не получается сказать. Только на следующее утро проснулся и говорить начал снова. А бензин, как оказалось, и не кончился тогда. Вот как после такого не верить в явления?.. – он испытующе посмотрел в глаза собеседника.

– Звучит, конечно, жутковато, – после недолгой паузы ответил Максим. Он заморожено слушал рассказ и не мог подобрать слов для попытки объяснения услышанного. – Не знаю, может, давление поднялось, просто потерялись в ориентации на какое-то время из-за темноты, – развел он руками. – Мне кажется, всем этим вещам есть простые объяснения вкупе с совпадениями.

– Я, конечно, потом уже приучил себя вспоминать об этой истории со смехом: мол, голова закружилась, но с тех пор с заходом солнца стараюсь из дома не выходить. Чего и вам, кстати, настоятельно рекомендую.

Максим посмотрел на часы и вышел из машины:

– Аркадий Степанович, спасибо вам большое. Очень рад знакомству. Если не возражаете, я к вам еще зайду. Возможно, завтра.

– Да заходите, я не возражаю. Всего хорошего! – ответил Аркадий Степанович, пожав руку молодому человеку.

V

Анна Сергеевна сквозь сон нащупала телефон, прятанный от руки на прикроватной тумбочке, и отключила назойливый будильник. Через пять минут она повторила процедуру и решила сделать это еще раз чуть позже, проваливаясь в недосмотренное сновидение. Вскоре, окончательно приняв решение пробудиться, Корчагина нехотя выбралась из постели, обернулась в теплый халат и пошла на кухню.

За окном еще густилась предутренняя темнота, мешающая организму привыкнуть к мысли, что пора начать бодрствовать и открыться новому дню. Анна Сергеевна сильнее укуталась в халат и медленно выпила стакан воды с лимоном. Затем по стандартному маршруту она отправилась в душ. Учитывая предстоящее мероприятие с участием нового мужчины, она помыла голову. Не просто же так она встала раньше на целый час. Проведя в душе двадцать минут, она высушила волосы и вернулась на кухню, где приготовила завтрак. Ароматный, сваренный в турке, кофе добавил еще очков к бодрости духа. Сын был на осенних каникулах у бабушки, и она в полной мере могла насладиться утренним одиночеством, побыть наедине со своими мыслями и чувствами.

Уделяя время макияжу, она значительное внимание посвятила тону лица, подводкой для глаз аккуратно вывела стрелки, нарисовала ресницы и вишневой помадой – губы. Она полагала, что женщина, которая не пользуется косметикой, слишком высокого мнения о себе. После этого она открыла окно на кухне и закурила сигарету. Голову посещали противоречивые мысли. Вроде бы все было хорошо, и день обещал быть интересным: ей безумно нравился публичный аспект ее профессиональной деятельности, предстояло много разговаривать с образованными людьми и демонстрировать им свои достоинства – как по специальности, так и в области миропонимания, в чем, как ей казалось, она, безусловно, преуспевала. Но Корчагина испытывала и некоторые опасения за судьбу дела и свою подопечную, зная ее пылкий темперамент и нелюбовь к правоохранительным органам.

Корчагина не преследовала цели укрепления капитала от дела Хилер. Денег на заключение с адвокатом соглашения у подсудимой, конечно же, не было, но участие в производстве по делу защитника было обязательным по закону, и Анна Сергеевна была назначена ей государственным адвокатом с самого возбуждения уголовного дела.

Ни для кого не секрет, что качество работы, так называемого, «дежурного» защитника по назначению несколько отличается от участия в деле более заинтересованного адвоката по соглашению.

Защиту подозреваемого на следствии можно считать отправной точкой, которая может сказаться на всем развитии дела. Уже на первоначальном этапе расследования может решиться, будет ли оно передано в суд, где основная масса приговоров является обвинительной, или так и останется в кабинетах следователей.

Назначение предполагает, что защитника пригласит следователь, который заинтересован в направлении дела в суд, а сам защитник заинтересован в том, чтобы к его работе прибегали и далее, а потому не желает портить отношения с правоохранителями.

Анна Сергеевна, имея солидный стаж и опыт, знала, что многие адвокаты, чьи услуги бесплатны, зачастую выступают не на стороне подзащитного и могут закрывать глаза на некоторые нарушения, а иной раз и советовать клиенту сознаться в содеянном, не вникая во все тонкости произошедших событий. Она и сама порой избирала подобную линию защиты, однако часто и не шла на поводу у следователей. В отдельных делах она проявляла сочувствие к человеку и искренне желала ему помочь, а иногда просто бралась за дело, если оно казалось ей интересным, так сказать, для кругозора практики.

Дело Хилер с его загадочными обстоятельствами пробудило в Корчагиной большое любопытство, но, в противовес всем рассказам, она не верила в мистический характер случившихся событий, а саму Агату Никаноровну, бабушку на инвалидном кресле, обвиняемую в совершении особо тяжкого преступления, ей было очень жалко. Хотя и следовало признать, что с начала ее участия в деле вокруг него периодически происходили некоторые странности.

Следственно-оперативная группа в первый день приезда в Марфино долго не могла провести стандартные процедуры первоначальных следственных действий. Сотрудникам долго не удавалось заполнить документы, поскольку неведомо откуда налетел ветер, и они упали в лужу; в доме не включался свет, что затрудняло осмотр места происшествия. Труп потерпевшего сначала долго не могли поднять, так как он оказался необъяснимо тяжелым, будто притягиваемым к земле. Затем он несколько раз падал с носилок, и история повторялась. Агата Никаноровна все это время сильно ругалась на правоохранителей, требуя немедленно покинуть ее домовладение. Когда же они, наконец, погрузили все вещи в служебную машину, Хилер через забор крикнула им: «Хрен вы отсюда уедете!» Им так и не удалось завести двигатель автомобиля. Пришлось вызывать на подмогу служебный УАЗик местной администрации, который на буксире оттащил их в районный центр.

Отгнав воспоминания, Корчагина потушила докуренную сигарету в пепельницу, закрыла окно и пошла одеваться. Собравшись, она застегнула молнию на высоких ботфортах и, все еще помня холодный уличный воздух, оцепивший кухню через окно, решила надеть полушубок.

Учитывая, что Хилер и на предварительном следствии была под домашним арестом, Корчагина уже ездила к ней в Марфино и знала дорогу. На своем «Ниссане Кашкай» она прибыла в село и, въехав на улицу Васильковую, припарковала машину. Ближе к концу улицы располагался дом ее подопечной, но дальше ехать на машине она не хотела, так как дорога на улице была ужасная, и пройти туда было лучше пешком.

Подходя к дому Агаты Никаноровны, Корчагина увидела двух мужчин в синей камуфляжной форме, которые стояли у калитки и смотрели на нее.

– Доброе утро, Анна Сергеевна! – поприветствовал ее один из них, выбросив сигарету. Второй в это время начал что-то доставать из припаркованного рядом служебного автомобиля.

– Привет, ребят! А че сами не заходите? – ответила она с улыбкой. – Меня ждете, что ль?

– Да что-то не хочется. После того раза мы туда без вас не решаемся заходить.

Корчагина вспомнила, как недавно эти ребята из службы исполнения наказаний, на которую возложена обязанность доставления в суд лиц, находящихся под домашним арестом, приехали сюда за Агатой Никаноровной для сопровождения ее в районный суд, когда стоял вопрос о продлении срока действия меры пресечения. Сначала Хилер не открывала им дверь и нехитрыми жестами в окно давала понять, что не планирует никуда с ними ехать. Не возымели эффекта и слова сотрудников о том, что за такое противодействие следователь поместит ее в изолятор. Когда же один из них, взяв на себя смелость, открыл калитку и вошел во двор, с огромной ивы к нему спикировали две большие черные вороны. С истошными криками они налетели на него, стали клевать и хватать его когтями. Пока одна ворона, хлопая крыльями, нападала на самовольно проникшего во двор, вторая взлетела на дерево и камнем отчаянно бросилась вниз, пробив клювом голову сотруднику. Напарник подбежал к нему и помог выбраться на улицу. Только после этого обе вороны вернулись обратно на дерево. Тогда один из служащих позвонил адвокату и попросил оказать им содействие. С приездом Корчагиной ситуацию удалось стабилизировать, Анна Сергеевна уговорила Хилер подчиниться, убедив ее в гарантии безопасности.

– Да уж, – сказала Корчагина и, подойдя к дому, постучала рукой в окно. – Как коллега-то ваш поживает? С головой в порядке все?

– На больничном до сих пор. Вчера только был у него. Рана очень плохо заживает, и он жалуется, что с того времени кошмары мучают постоянно. Доверительница ему ваша снится, в окошко стучит с улицы и хихикает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.